

Желда

7
1980

Эрист Генри

ПОРТРЕТ СВЕРХПОЛИЦЕЙСКОГО

Фашизм в действии

1

В эпоху глобального социального переворота на мировую авансцену вступает такое множество политических деятелей, оставляющих тот или иной след в истории, как никогда раньше. На фоне расширяющейся классовой борьбы происходит грандиозное столкновение противоположных умов и противоположных характеров. Если глядеть на одну сторону фронта, то в памяти людей возникают образы больших революционеров: людей, двигающих человечество вперед, шагающих через вулканы, неизменно остающихся верными духу Прометея.

Против них — другая колонна: посланцы классов, пытающихся силой остановить движение истории, отбросить общество назад. Имена таких деятелей также гремят и не забываются. Их сторонникам они вначале, а иногда и потом тоже, кажутся крупными фигурами, недюжинными личностями. В течение какого-то времени о некоторых из них кое-где шумят даже больше, чем о всех остальных: они умеют нагонять на людей страх и заставлять себе поклоняться. Но рано или поздно они сходят со сцены, покрытые кровью и грязью. Их пьедесталы рушатся. Люди начинают удивляться обнаружившимся о них фактам, психиатры — спорить о состоянии их мозгов. Происходит далеко идущая переоценка ценностей и характеров.

Одним из таких кровавых деятелей, «демонов» нашей эпохи, был Ген-

рих Гиммлер, глава полиции в нацистской Германии: человек, несущий прямую ответственность за убийство около 12 миллионов людей. Кроме Геринга, Геббельса и в последний период третьего рейха Бормана, никто другой из ближайших сообщников Гитлера не играл такой роли в жизни этого рейха, как Гиммлер. Временами именно он, держась за полицейскими кулисами, был фактически вторым человеком в нацистском государстве. Все, кроме самого фюрера и трех названных нацистских главарей, трепетали перед ним, хотя и те трое имели основание его побаиваться. Гитлер правил, Гиммлер уничтожал. Одно было неотделимо от другого. Без уничтожения фашизм существовать не может. Гиммлер умел уничтожать, как никто до него.

Но он представляет интерес не просто как фашистский палач. Злодеяния Гиммлера общеизвестны. Одни лишь хранящиеся в архивах документы о действиях гестапо и лагерях смерти в 30-х и 40-х годах занимают тысячи страниц. Нас здесь интересует другое. У Гиммлера была своя особая *политическая* идея, доводившая фашизм до логического завершения. В этом отношении он кое в чем превосходил самого Гитлера. Лагеря смерти, система уничтожения миллионов людей были только частью этой концепции. Понять ее человеку будущим времен будет не так просто, современник еще поймет. Мы говорим об идее сверхполицейции.

Полиция в той или иной форме и в той или иной мере существует, надо думать, с того времени, как возникло классовое общество. Эксплуатация людей в этом обществе всегда требовала насилия над ними, а для этого был нужен аппарат. При рабовладельческом строе и во времена феодализма было достаточно иметь известное число надсмотрщиков и палачей. Умение пытать, вешать, рубить головы, сажать на кол столетиями считалось необходимой специальностью. Но только буржуазное общество, столкнувшееся с растущей мощью рабочего класса, по-настоящему развернуло это дело. Жить без большой полицейской организации, в частности без политической полиции, оно уже не могло.

Примечательно, что на западе Европы особое внимание этому делу уже с самого начала стала уделять в числе прочих германская буржуазия. Полицейские вопросы разрабатывались ее специалистами с таким же усердием и методичностью, как военные. Еще во второй половине XVIII века в Германии начали выходить объемистые труды по «полицейской науке». Король Фридрих II учил своих подчиненных: «Народу, как больному ребенку, должно указывать, что ему следует есть и пить». Подобные мысли десятилетиями вдалбливались в головы немецких жандармов. Внутренне, что каждый полицейский чиновник, подобно каждому офицеру, должен рассматриваться как столп государства, которому надлежит беспрекословно повиноваться. Униженному почтению и страху перед полицией учили даже в школе. Многие десятилетия спустя это оказало свое воздействие.

Когда германская буржуазия еще при кайзерах убедилась, что роста рабочего движения обычными мерами не остановить, была сформирована особая политическая полиция. С этого момента насилие над гражданскими свободами стало в рейхе одной из важнейших государственных задач. В течение некоторого времени в стране действовал «исключительный закон» против социалистов, запрещавший их деятельность и предоставлявший полиции фактически почти неограниченные полномочия. Закон этот все же пришлось отменить. В Веймарской республике, где преследование коммунистов стало повседневным делом, аппарат политической полиции был заново и значительно расширен. Так называемый «отдел 1а» в берлинском полицейспрезидиуме и действовавшая под вывеской «государственного секретариата по охране общественного порядка» охранка играли в то время немалую роль за сценой германской политики. Тем не менее до 1933 года германская полиция качественно ничем не отличалась от полиции других

капиталистических государств. При всей ее антикоммунистической агрессивности это была обыкновенная полиция. Все переделал Гиммлер.

2

Кто такой был этот человек? Его биография до прихода нацистов к власти мало исследована. Можно сказать, что о Гиммлере известно меньше, чем о других нацистских главарях. Сам он, в отличие от Гитлера или Геббельса, никаких печатных произведений после себя не оставил; он писал только приказы и инструкции, его устные высказывания обычно держались в секрете. Сами нацисты боялись его до такой степени, что писать о нем не решались.

Известно тем не менее, что родоначальником его семьи был видный баварский полицейский чиновник и что он вырос в атмосфере полицейских традиций. Призванный в армию в предпоследний год первой мировой войны, Гиммлер на фронт не попал. Известно и то, что, демобилизовавшись, он выбрал себе идиллическую профессию: завел в деревне близ Мюнхена куриную ферму.

Это совершенно точно. Никто тогда не мог бы заподозрить его в каких-либо темных делах или в безнравственности. По словам знавших его людей, это был незаметный, даже невзрачный человек в пенсне, для которого разведение кур и должно было стать главным занятием в жизни. В другие времена так бы, возможно, и случилось. Взрыв фашизма в Германии все перевернул. Тысячи людей становились неузнаваемыми. Спрятанное в человеке выходило наружу. В этот момент Гиммлер стал Гиммлером. Политика очень часто делает такие вещи.

Уже в 1919 году, сразу после первой мировой войны, Гиммлер присоединяется к только что основанной нацистской партии, в которую тогда входит всего несколько десятков человек, в том числе осведомитель местного штаба рейхсвера Гитлер. Тогда же он принимает участие в вооруженной борьбе против Баварской советской республики, позднее — в неудачном гитлеровском путче в Мюнхене; в числе осужденных за это дело его нет. Кроме чучки нацистов, человек в пенсне еще никому не известен. Слово «Освенцим» прозвучит на весь мир только 20 лет спустя. Но Гитлер, очевидно, уже понимает, что за человек бывший владелец куриной фермы.

В январе 1929 года он назначается Гиммлера начальником СС — отряда отборных, одетых в черное фашистов, составляющих личную охрану нацистских вожаков. Гиммлеру 29 лет; его и теперь почти никто не знает. Назна-

чение это еще не очень важное; в отряде эсэсовцев менее 300 человек, и сам Гиммлер подчинен другому: тогдашнему главному головорезу фюрера, командиру одетых в коричневое штурмовиков Рему. Но то, что Гиммлер вскоре же делает со своим отрядом, удивляет самих нацистов.

В 1929 году в СС числятся 280 человек, в 1933 году, когда Гитлер у власти, 52 тысячи, в 1939 году, накануне второй мировой войны, — 240 тысяч. В течение одного десятилетия, таким образом, Гиммлер увеличивает состав СС в 857 раз, собирая в этой организации подонков со всей страны.

Возможности для подонков в Германии тех лет были такие, как никогда раньше: государство было к их услугам. Именно из их числа и формируется новая фашистская полиция Гиммлера. На сынков мещан и состоятельных крестьян, на бывших офицеров и прокутившихся дворян надевается форма, ставящая их над всеми остальными жителями страны и над самими фашистами. Аппарат СС расширяется из года в год. Оставаясь главой эсэсовцев, Гиммлер мало-помалу сосредоточивает в своих руках руководство политической полицией (гестапо), концентрационными лагерями, лагерями смерти, уголовной полицией, карательной военной полицией. Теперь он подчиняется только самому Гитлеру. Эсэсовцы называют его «королем Генрихом» и «черным герцогом». Фактически он держит в руках от имени Гитлера всю страну. Без полиции Гиммлера государство Гитлера существовать уже не может. Но это уже и количественно, и качественно не та полиция, что действовала раньше в буржуазных государствах.

Самым знаменитым полицейским до Гиммлера считался французский реакционер Жозеф Фуше, живший во второй половине XVIII и первых десятилетиях XIX века; вначале — член католического духовного ордена, затем президент якобинского клуба, затем министр полиции при Директории, два раза министр полиции при Наполеоне и он же министр полиции при короле Людовике XVIII. Фуше, оставивший своим сыновьям огромное по тому времени наследство в 14 миллионов франков, изобрел ту полицейскую систему, которая с тех пор начала применяться во всех буржуазных странах.

Франция при нем была покрыта сетью шпионов. В больших городах осведомители в лице привратников или слуг насаждались почти в каждом доме, на каждого жителя заводилось досье. Полиция знала, о чем люди говорили на улицах, в кофейнях, на фабриках, в магазинах. Располагая секретными сведениями о личных делах политических деятелей, Фуше держал их в руках и нередко делал и их

своими агентами. В то же время все силы полиции были нацелены на охоту за революционерами. Опыт Фуше десятилетиями изучался и использовался полицейскими руководителями других стран.

Вторым «классическим» образцом полицейской организации до Гиммлера считалась охранка царской России. Она также располагала широкой сыскальной и разведывательной сетью, но в борьбе с революцией особенно специализировалась на провокации. Ее асы Плева, Зубатов, Азеф, Гапон были непревзойденными мастерами этого дела. К услугам охранки, помимо специального корпуса жандармов, в любое время были войска. Полиция создавала черные сотни и организовывала погромы. Царская охранка несомненно также внесла свой вклад в развитие полицейского дела в капиталистическом мире. Но и Фуше, и Плева оказались дилетантами по сравнению с Гиммлером.

Здание политической полиции в буржуазных странах зиждилось на одном основании: на агентурной работе. Сюда включались обычный сыск, наружное наблюдение, вербовка осведомителей, засылка провокаторов, дознание с «нажимом» и т. д. Остальное предоставлялось гражданским судам, при особых обстоятельствах — военнопольным судам. Тем самым в какой-то мере относительно ограничивались и размеры полицейских кадров: в столицах число полицейских — чиновников, агентов, жандармов — исчислялось тысячами. Это считалось вполне достаточным.

В конце прошлого века на содержание органов внутренней безопасности во Франции, например, затрачивалось не более 5,37 процента государственных и местных расходов; в России, чья полицейская организация была самой большой в мире, — 6,56 процента. Даже в революционном 1905 году число полицейских в таком городе, как Москва, не достигало пяти тысяч человек. Массовым истреблением политических противников старая буржуазная полиция, как правило, не занималась, предоставляя это дело в особых случаях — в дни революционных восстаний — войскам. Полиция оставалась важным, но подсобным отделом государственного управления, над другими правительственными чиновниками ее деятели не возвышались.

На совершенно иных основах стал строить свою полицию Гиммлер. Главным в ее деятельности внутри страны было не агентурное дело, не сыск, а прямой терроризм: поголовное истребление или по крайней мере лишение свободы и здоровья политических противников и даже только заподозренных в оппозиции. Доведенное до

предела репрессивное начало преобладало здесь над всем остальным¹.

Эсэсовцы были полицейскими с неограниченным правом хватать, бить, пытать и убивать, обычные тюрьмы заменялись концлагерями и лагерями смерти, все законы и правила, препятствовавшие полицейскому террору, отменялись. Ни один суд в Германии после процесса над Димитровым не осмеливался мешать гестапо. Отсюда цифра — 12 миллионов жертв гиммлеровского аппарата за 12 лет: около 33 тысяч в день. Нет никакого сомнения, что если бы нацистский режим просуществовал хотя бы еще одно пятилетие, владея теми же территориями, что в годы войны, то число жертв гиммлеровской полиции стало бы исчисляться многими десятками миллионов: тот же аппарат стал бы планомерно и в значительно расширенных масштабах применять геноцид. Как ясно из ряда документов, это также было предусмотрено Гиммлером. Полиция понималась им прежде всего как орган тотального истребления.

Но с этого его план только начинался. Бывший торговец живностью, ставший фашистом, мечтал в действительности о том, чтобы вообще заменить своими жандармами весь государственный аппарат. В этом, по сути дела, и заключалась его идея сверхполиции. Вот факты, показывающие, как осуществлялся его план в годы пребывания нацистов у власти.

3

В июне 1934 года Гиммлер помогает Гитлеру справиться с Ремом, который командует двумя с половиной миллионами штурмовиков, главных соперников эсэсовцев. Рема расстреливают, армия фашистской мелкой буржуазии и люмпен-пролетариата, претендовавшая на господство в третьем рейхе, фактически сходит со сцены. С этого момента СС остается единственной вооруженной силой, помимо рейхсвера — будущего вермахта.

В ведение Гиммлера передается созданное Герингом прусское гестапо, и в 1936 году под его верховным началом и под названием «Главное управление СС по имперской безопасности» объединяется весь полицейский аппарат Германии, включая уголовную полицию и политическую разведку. Все места в этом аппарате переходят к эсэсовцам. Впоследствии Гиммлера к тому же делают министром внутренних дел. Ему же присваиваются звания «уполномоченного по правлению рейхом» и «имперского комиссара по укреплению немецкой народности».

¹ Иностранной разведки в аппарате Гиммлера мы здесь не касаемся. Это другая сторона вопроса.

В гражданском управлении страной соперников у СС больше нет.

Январь 1938 года, очередь вермахта. Гиммлер с помощью своего главного помощника Гейдриха организует сложную интригу, которая губит обоих руководителей германских вооруженных сил — военного министра фельдмаршала Бломберга и командующего войсками генерала Фритча. Бломберг уличается в том, что женился на проститутке, аппарат Гиммлера предъявляет соответствующее полицейское досье, и Бломберг увольняется в отставку. Против Фритча фабрикуется обвинение в гомосексуализме; как выясняется впоследствии, выступающий в качестве «свидетеля» субъект дает свои показания после того, как в гестапо ему угрожают пыткой. Фритча также снимают с поста, и верховное командование вооруженными силами переходит в руки самого Гитлера. Но тайная полиция Гиммлера просачивается в вермахт, и весь офицерский корпус попадает под ее надзор. Официально Гиммлер действует по велению Гитлера, на деле — в интересах СС.

Это не все. Готовится другой шаг, который должен сделать вермахт еще более зависимым от эсэсовцев, а в конечном счете вообще заменить ими армию. Еще накануне войны СС начинает формировать собственные армейские дивизии, так называемые «войска СС», которыми командуют отборные гиммлеровцы, — крупнейшие старые дивизии вермахта по численному составу и лучше вооружены; это впоследствии подтверждает фельдмаршал Кессельринг. Уже в 1943 году войска СС составляют около половины всех германских танковых и гренадерских танковых дивизий. В дальнейшем именно им предполагается поручить управление захваченными странами Европы. В декабре 1944 года в них числится уже 950 тысяч солдат и офицеров. Когда же группа генералов вермахта в том же году устраивает заговор против Гитлера и терпит неудачу, Гиммлер ко всему прочему назначается командующим армией тыла и группой армий вермахта «Висла».

Еще раньше в его ведение поступают военная разведка и контрразведка вермахта. Армия остается без своей агентуры: беспрецедентное явление. В разговоре со своим доверенным человеком и личным врачом Керстеном Гиммлер заявляет, что рассматривает эсэсовцев как «кадры для армии нового типа». Пользуясь недоверием Гитлера к старым генералам вермахта, Гиммлер шаг за шагом идет к своей цели.

С такой же железной хваткой подчиняет себе СС в те годы и внешнюю политику фашистской Германии. Гитлер и Риббентроп формулируют эту политику, конкретным содержанием в

немайор степени наполняет ее Гиммлер.

Главной внешнеполитической задачей нацистского рейха считается германизация Европы. Но кто должен германизировать? Не вермахт, не какое-либо «культурное» ведомство рейха, даже не нацистская партия как таковая. Все это дело целиком поручается СС.

Гиммлер выдвигает проект колонизации огромных территорий на востоке Европы своей жандармерией. Предполагается, что, захватив эти территории, эсэсовцы начнут там расселяться, превращая остатки местного населения в своих крепостных. Каждому переселившемуся в чужую страну эсэсовцу (отнюдь не каждому нацисту!) предстоит стать собственником добротного земельного участка и в то же время полновластным жандармом на своей территории. В беседе с Керстеном Гиммлер говорит, что речь идет о «величайшем деле колонизации, которое когда-либо видел мир». В августе 1942 года Гитлер официально поручает руководство этим делом главе СС.

Выступая 4 октября 1943 года на закрытом совещании эсэсовских офицеров в Познани, Гиммлер заявляет: «Будут ли народы (захваченных стран. — Э. Г.) процветать или умирать с голода как скот, — это интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны как рабы для нашей культуры, в остальном это меня не интересует... Честными, порядочными и товарищескими мы должны быть по отношению к людям нашей собственной крови и ни к кому больше. ...Когда мир будет окончательно установлен, мы сумеем приступить к нашей великой работе для будущего. Мы будем расселяться. Мы приведем орденские законы СС молодым... Само собой разумеется, что из этого ордена, из этого высшего расового слоя германского народа вырастет множество поколений его наследников. Мы должны в течение 20—30 лет создать господствующий слой для всей Европы».

На таком же тайном совещании в Везельсбурге он говорит: «Целью похода на Россию является истребление 30 миллионов советского населения». Слушателям военных академий в Берлине он указывает: «Уничтожение народов и их богатств совершенно необходимо для нашей победы. Одна из серьезных ошибок 1918 года состояла в том, что мы пощадил жизнь гражданского населения враждебных стран, ибо необходимо, чтобы немцы всегда по крайней мере вдвое превосходили по численности народы сопредельных стран. Поэтому мы обязаны уничтожить по меньшей мере треть их обитателей».

Геноцид и был внешней политикой СС. Операции такого рода планирова-

лись не только на востоке Европы. Намечалось выселение мужского населения из Англии, миллионов голландцев из Голландии. Наместником Англии был заблаговременно назначен начальник отдела в полицейском штабе СС Ф. Сикс. В конечном счете всей Европе предстояло перейти под управление эсэсовской жандармерии.

Все это звучит как дикая фантазмагория и таковой и может считаться. Новый рабовладельческий класс в Европе XX века! Диктатура германской полиции над целой частью света! Но такова была подлинная внешнеполитическая программа фашистской Германии. Не Риббентроп, а по сути дела Гиммлер диктовал ее.

Глава эсэсовцев рассчитывал таким путем не только заплатить им за их службу, но и увековечить их существование, обогащая их земельной собственностью, превращая их в новый правящий класс «расы господ». Он договаривался даже до идеи создания в германо-европейском рейхе таким путем «новой породы человека». Гиммлер, видимо, читал Ницше, но понимал его по-своему, в полицейском смысле. С политической стороны все это прикрывалось планом воссоздания на базе СС Тевтонского ордена. Более фантастическую программу представить себе было трудно. Но остается фактом, что внешняя политика фашистского рейха действительно проводилась не только в интересах германских монополий, но и в прямых интересах террористической организации СС.

Продвигая вперед повсюду своих эсэсовцев, отождествлял ли их Гиммлер с нацистской партией? Отнюдь нет; дело обстоит как раз наоборот. Как видно из ряда фактов, Гиммлер помышлял о том, чтобы рано или поздно заменить своей эсэсовской гвардией саму нацистскую партию, переведав какую-то «отборную» часть ее членов в тот же СС.

Став полицейским диктатором, разбив соперничавшую армию штурмовиков, внедрившись в вермахт, подчинив своим целям внешнюю политику рейха, Гиммлер явно не намеревался уступать позиции кому-либо из других вожаков нацистской партии помимо Гитлера. Известно, что он был не в ладах почти со всеми этими вожаками. Каждый из них ненавидел и боялся его и после гибели Рема имел на это все основания.

Геринг, официально провозглашенный преемником Гитлера, понимал, что эсэсовцы сосредоточивают в своих руках такую необъятную власть, какая в критический момент может лишить его престолонаследия. В 1933 году, в первое время после прихода нацистов к власти, контроль над полицией был разделен между Гиммлером и Герингом: в Берлине прусской по-

лицией и гестапо управлял Геринг, в Мюнхене полицейепрезидентом и главой баварской полиции был Гиммлер. Но уже в 1934 году гестапо было отнято у Геринга Гиммлером. Люфтваффен, которое Геринг затем получил взамен, потерю для него не уравновешивало. Окружения Геринга, состоявшего из офицеров авиации, Гиммлер не боялся. Колченогого Геббельса он как соперника всерьез не принимал.

Не мог не опасаться Гиммлера и секретарь Гитлера после исчезновения Гесса, начальник «партийной канцелярии» Борман (хотя сам Борман, как и другие нацистские лидеры, формально носил высокий эсэсовский чин). Он повелевал гаулейтерами (областными руководителями) партии, но его влияние могло длиться только при жизни Гитлера. Есть сведения о повторившихся столкновениях между СС и канцелярией Бормана. Ни у одного из вожаков нацистской партии не было такой мощной опорной базы, как у главы СС. Низы же этой партии после прихода Гитлера к власти, прекращения выборов в рейхстаг и расправы со штурмовиками никакой роли больше не играли и играть не могли. Фашистская чернь рассматривалась ее лидерами после 1934 года только как пушечное мясо.

Таким образом, хотя глава СС не был включен в официальный список преемников Гитлера (где фигурировали Геринг и Гесс), он мог на деле считаться самым могущественным человеком в стране после Гитлера. Таким он себя и считал. В беседе с Кестнером 29 октября 1941 года он сказал: «Я рассматриваю СС как дерево, которое я посадил и которое имеет достаточно глубокие корни, чтобы выдержать любую погоду». Об управляемой Борманом нацистской партии Гиммлер при этом даже не упомянул, как будто ее не существовало. «Отбор нового фюрерского слоя осуществляет СС», — заявил один из эсэсовских главварей. Это тоже была прямая угроза Борману и Герингу. Поглощение нацистской партии эсэсовским «орденом» считалось в кругах СС только вопросом времени.

Примечательно, что план этот поддерживался самим Гитлером. Еще до войны Гитлер говорил своему тогдашнему стороннику Раушнингу о своем желании создать из эсэсовцев «новое дворянство». Очевидно, он был убежден в слепой преданности Гиммлера. Гесс, занимавший до мая 1941 года пост заместителя Гитлера, даже называл гиммлеровский аппарат имперской безопасности «мозгом партии и государства». Чтобы удержать Гитлера под своим влиянием, Гиммлер, несомненно, все время запугивал его опасностью антифашистских заговоров и бунтов, и это давало свои плоды. После генеральского путча в июле 1944

года Гиммлеру были предоставлены новые, неограниченные полномочия, которые фактически делали его диктатором и ставили над всеми другими нацистскими лидерами.

Немало значило и то, что Гиммлеру удалось внедриться даже в личное, семейное окружение Гитлера. Своим официальным представителем в штабе Гитлера он назначил не кого иного, как бывшего жокея Фегелейна — генерала СС, женившегося на сестре любовницы Гитлера Евы Браун. Фегелейн так же не отходил от Гитлера, как Борман.

СС в фашистской Германии называли «государством в государстве». Но этого было мало: СС был и партией в партии. Хотя Борман, Геббельс и Геринг до конца пытались противостоять Гиммлеру, фашистская террористическая организация в последние годы уже держала всю остальную партию нацистов в осаде.

4

Так, этап за этапом, осуществлял полицейский диктатор свои планы. Никакой Фуше не шел с ним в сравнение. Остается политически и теоретически важный вопрос. Как совмещал Гиммлер свое стремление сделать эсэсовскую жандармерию основным нацистского государства с доминирующей ролью крупного капитала в организме германского империализма?

Вопрос этот действительно особенно интересен для марксистского исследователя. Если СС по плану Гиммлера должен был стать новой правящей кастой Германии и всей Европы, то какое место в этой системе оставалось для германских монополистов — тех, без чьей помощи нацисты никогда не пришли бы к власти? Можно ли предполагать, что, заняв почти все ключевые позиции в стране, Гиммлер намеревался отбросить назад и могущественный монополистический капитал?

Нет, это в его тогдашние планы не входило. Гиммлер преследовал иную цель: не отеснить, а *слить* монополистический капитал с организацией СС. Решение это было принято им, очевидно, с самого начала.

После войны обнаружилось, что еще в 1934 году, спустя год после создания гитлеровского правительства, было основано закрытое общество под названием «Кружок друзей рейхсфюрера СС». Членами общества были прежде всего такие эсэсовские вельможи, как глава хозяйственного управления СС Поль, представитель Гиммлера в министерстве пропаганды, он же заместитель Геббельса Науман, руководитель расового отдела штаба СС Зиверт, генерал СС и заместитель Риб-

бентропа Кепплер, и другие. Все эти лица представляли окружение Гиммлера, нередко лично присутствовавшего на заседаниях. Заправлял «кружком» приближенный Гиммлера делец Кранефус.

Большинство же членов «кружка» представляли крупнейшие германские монополии: военно-промышленный концерн Флика, военно-промышленную группу Квандтов, военно-химическую монополию «И. Г. Фарбениндустри», военно-электрический трест Сименса, Дрезденский банк, Немецкий банк и ряд других. Сюда же входили два банкира, которые сыграли в 1933 году важнейшую роль в закулисных интригах, приведших к созданию правительства Гитлера: Шахт и барон Шредер.

Это был своего рода объединенный центр двух сил — штаба Гиммлера и военно-промышленного комплекса; центр, действовавший на основе какого-то определенного договора между ними. После войны было обнаружено, что «Кружок друзей рейхсфюрера СС» передавал Гитлеру через особый счет в банке на его имя миллионные субсидии, которые шли и на его личные цели, и на покрытие расходов по строительству лагерей смерти. Эсэсовцы в свою очередь снабжали монополистов за полцены десятками тысяч рабов — узников концлагерей. Такие концерны-миллиардеры, как группа Флика, Крупп, «И. Г. Фарбениндустри», смогли в те годы значительно расширить свое производство прежде всего благодаря присланным эсэсовцами рабам.

Но дело было не только в промышленных отношениях. Дело было и в том, что Гиммлер начинал вообще срачивать СС с монополистическим капиталом. Это было и экономическое, и политическое сращивание. Никакая другая нацистская политическая организация не имела такого тесного и непосредственного контакта с монополистами, как СС¹. Глава хозяйственного управления СС и член «кружка» Поль показал впоследствии перед судом: «Начиная с 1937 года членами «кружка друзей» были во всяком случае отборные, политически благонадежные и лояльные люди, иначе Гиммлер их не пригласил бы... Отбор членов производил Кранефус, близкий доверенный Гиммлера, который, будучи промышленником, был очень хорошо знаком с промышленными кругами... В каждом случае Кранефус про-

верял членов в отношении их лояльности и политической благонадежности... Невероятно, что кто-либо отказался от вступления в члены, и я о таком случае не слышал, так как промышленники скорее стремились в „кружок друзей“...»

Интересно было следующее. «Кружок» пронацистских монополистов возник, собственно говоря, не в 1934, а в 1932 году, еще до прихода нацистов к власти. Тогда он возглавлялся советником Гитлера по экономическим вопросам Кепплером, по имени которого и назывался, и специального отношения к СС не имел. Переняв его от Кепплера под свой контроль и изменив название организации, Гиммлер намеренно подчеркнул, что именно СС претендует на непосредственный контакт с монополистами. Ряд представителей ведущих концернов — директор «И. Г. Фарбениндустри» Бютефисх, директор концерна Флика Штейнбринк, директора Дрезденского банка Рахе и Мейер, банкир Шредер и другие — были вскоре возведены в чин офицеров СС. Дело доходило до того, что члены «кружка» в полном составе под водительством Гиммлера посещали концентрационные лагеря Дахау и Ораниенбург.

Почему германские монополисты пошли на союз с Гиммлером — по крайней мере, если говорить о первых 9—10 годах фашистского режима? Прежде всего потому, что в их кругах яснее, чем где бы то ни было, разблизались в реальной расстановке сил нацистской верхушки. Флики, Квандты и Сименсы понимали, что Гиммлер рано или поздно окажется сильнее Геринга или Геббельса и что поэтому стоит ставить именно на него. Не менее важно было для них и то, что СС располагал особым и огромным «капиталом»: миллионами рабов в концлагерях. С помощью СС легче было также присоединять к концернам захваченные нацистами «неарийские» и заграничные предприятия. Не исключено наконец, что действовала еще одна причина.

Врач Гиммлера Керстен рассказывает, что когда в марте 1939 года глава германского калийного синдиката А. Дин предложил ему заняться лечением Гиммлера, он сказал следующее: «Я думаю, вы найдете в нем интересного пациента. Кроме того, если у вас будет с ним удача, вы сможете оказать нам большую услугу. Быть может, вы сумеете убедить его не национализировать частную промышленность».

Что это значило? Как известно, никакой национализации промышленности в Германии при нацистах не произошло. Монополии не только сохранили свою собственность, но значительно увеличили свои доходы; отходить от нацистов они начали, только

¹ Хотя Геринг, стремившийся, по показанию генерала СС К. Вольфа, «не допускать слишком большого влияния СС на экономику», тоже пытался сблизиться с монополиями, основав из награбленных нацистами предприятий собственный концерн «Герман Геринг верке», его коммерческие дела все же не шли в сравнение с делами СС.

когда убедились, что война Гитлером безвозвратно проиграна. Не исключено тем не менее, что Гиммлер при случае пугал концерны возможностью перехода их предприятий под прямой нацистский контроль. Монополисты к тому же знали, что эсэсовцам уже удалось построить свой собственный крупный концерн, на трех десятках предприятий которого без всякой оплаты по 11—14 часов в сутки трудились узники концлагерей. Знали они и о том, что по приказу Гитлера было конфисковано имущество уехавшего за границу главного владельца рурского сталельного треста Тиссена.

Мало того. Под негласным контролем СС еще до войны оказался второй по значению банк в Германии — Дрезденский банк, финансировавший военную промышленность, в частности концерны Флика и Круппа, а также предприятия хозяйственного управления СС. Директор Дрезденского банка Рахе был назначен промышленным советником Гиммлера, в состав наблюдательного совета банка вступили тот же доверенный человек Гиммлера Кранефус, генерал войск СС при штабе Гиммлера Мейнберг и другие нацистские тузы, обдельывавшие таким путем и свои частные денежные дела. С помощью этих связей Дрезденский банк, который уже называли «банком СС», стал обгонять другие банки в стране. Гиммлер становился таким образом не только полицейской и политической, но и финансовой силой, что заставляло монополистов тем более с ним считаться.

Вообще говоря, ошибочно думать, что монополисты всегда диктовали нацистам. Сплошь и рядом Гитлер и Гиммлер, находясь уже у власти, начинали диктовать тем же дельцам, которые помогли им стать у руля. Подобные метаморфозы нередко происходят в истории.

В конечном счете Гиммлер, надо думать, рассчитывал завершить процесс слияния монополистического капитала с эсэсовской организацией в какой-то особой форме — возможно, уделив магнатам капитала видные места в эсэсовской иерархии. Но еще до этого СС уже мог считаться компаньоном германской монополистической олигархии.

Ко времени войны позиции Гиммлера на разных участках фашистского рейха были, таким образом, настолько укреплены, что его план был как будто наполовину осуществлен. Кроме Гитлера над главой СС никто не стоял. Идея всемогущей сверхполитии, поглощающей государство, постепенно становилась действительною. Сместить Гиммлера мог только один фюрер, которому все нацисты беспрекословно повиновались.

Правда ли, как это считают некоторые, что Гиммлер был с самого на-

чала слепо предан Гитлеру и только в последний момент, в дни агонии нацистского режима, поневоле изменил ему?

Я думаю, это неверно. В действительности Гиммлер, начиная с какого-то момента, рассчитывал стать на место Гитлера и в глубокой тайне ждал своего часа.

Об этом говорит не только его открытая измена Гитлеру за две недели до конца войны, когда он через шведского графа Бернадота предложил Эйзенхауэру капитуляцию Германии на Западе (с тем, чтобы вермахт продолжал войну на советском фронте). Известно, что, узнав об этой попытке Гиммлера стать во главе правительства, Гитлер в дикой ярости исключил его из партии и приказал немедленно его арестовать. По словам Керстена, Гиммлер сказал ему еще до этого: «Ах, Керстен, мы наделали серьезных ошибок. Если бы я мог начать все сначала, я бы тогда многие вещи делал по-другому. Но теперь уже слишком поздно». Гиммлер говорил о себе как о вершителе судеб нацистской Германии.

Есть прямые указания на то, что подкуп против Гитлера он вел длительное время, ожидая лишь подходящего момента, чтобы действовать. Тот же Керстен сообщает, что еще 12 декабря 1942 года Гиммлер сказал ему, упоминая о враче Гитлера Мореле: «Важно, чтобы он сумел поддержать фюрера, пока мы не выиграли войну. Потом мы посмотрим, и фюрер сможет удалиться на заслуженный отдых».

Что понимал Гиммлер под «отдыхом» Гитлера? Он хорошо знал, что ни на какую отставку Гитлер добровольно не пойдет. Но ему было известно и другое. Не подлежит сомнению, что Гиммлер еще в 1943 году был осведомлен о планах генеральских заговорщиков убить Гитлера. Зная об этом, он ничего не предпринял. Напротив, весной 1944 года он сообщил адмиралу Канарису, одному из главных заговорщиков, что ему известно об их намерениях. Полиц, другой заговорщик, даже считал, что Гиммлер может заменить Гитлера на посту главы государства.

Конечно, Гиммлер вел двойную игру, и когда заговор 20 июля 1944 года провалился и Гитлер остался жив, эсэсовцы начали вешать тех же заговорщиков одного за другим. Тем не менее остается фактом, что своевременно предотвратить покушение на Гитлера Гиммлер не попытался, хотя и мог это сделать. Может быть, он рассчитывал и на самоубийство Гитлера после катастрофических поражений вермахта на советском фронте. Так или иначе, он безусловно намеревался стать на место Гитлера. В этом

случае эсэсовский орден окончательно поглотил бы нацистский рейх.

...Начало 40-х годов. Бывший торговец курами в деревне под Мюнхеном — теперь «черный герцог», один из самых могущественных людей в мире. Еще один шаг — кажется ему — и цель достигнута: Европа в его руках. Позади — жизнь, какой не описано ни в одном уголовном романе. Миллионы человек уже убиты созданной им, невиданной прежде полицией, планы убийства еще десятков миллионов на письменном столе. Завтра глава СС должен стать новым фюрером. И вдруг все рушится.

21 мая 1945 года, через 13 дней после капитуляции фашистской Германии, английская военная полиция задерживает в районе Фленсбурга на севере Германии неизвестного человека, одетого в английскую форму и пытающегося пробраться в Баварию. Думает ли этот человек о том, чтобы восстановить свою куриную ферму? 23 мая английская полиция устанавливает, что задержанный — это Гиммлер, сбросивший усы. В момент, когда все становится ясно, человек внезапно прокусывает спрятанную во рту капсулу с цианистым калием и тут же умирает. История СС завершена.

5

Был ли этот человек, совершивший небывалые в истории преступления, вполне нормальным?

Стоит коснуться и этого вопроса. О преступниках часто утверждают, что все дело в их большой психике. Не одна политика определяет фигуру человека, в данном случае Гиммлера. Что это был за человек?

Зная, что делал и что еще намеревался делать Гиммлер, действительно нетрудно предположить, что речь идет о так называемом «клиническом случае». Сумасшедший и на политической сцене может долгое время прикидываться нормальным человеком. На Западе есть исследователи, в частности врачи, которые и самого Гитлера считают ненормальным. Верно ли это? А что представляла собой личность главы СС?

Все знавшие его люди сходились в одном, в том же, о чем говорит его фотография: с виду это был неприметный, мещанского типа человек, с ничего не выражающими глазами. У него не было ни ухарской прически Гитлера, ни воинственной позы Геринга, ни хитрой физиономии Геббельса. Он выглядел как обыкновенный немецкий мелкий буржуа, только что вышедший из дверей пивной. Самый искусный художник, рисуя его портрет, не смог бы обнаружить в нем ничего демонического. «Если бы я встретил его на улице, не знал, кто

он, — пишет его врач Керстен, — то я принял бы его за какого-нибудь respectable конторского служащего или учителя или даже директора школы».

От него веяло мещанской пошлостью. Хотя у Гиммлера был диплом агронома, его нельзя было назвать образованным человеком. Керстен сообщает, что он был «чрезвычайно суеверен», «верил в добрых и злых духов» и советовался с астрологами. Самого себя он считал перевоплощением герцога Генриха Льва, жившего в X веке короля германских племен. В то же время он питал уважение к Чингисхану.

Как это ни странно, но и Керстен, и известный английский историк Тревор-Ропер утверждают, что у главы гестаповцев были слабые нервы. Это был «в основе своей слабый человек», пишет Тревор-Ропер. Он «не мог избавиться от некоторых присущих ему страхов», замечает Керстен и дает понять, что Гиммлер в действительности был трусом.

Перед Гитлером, на место которого он стремился стать, он дрожал. Какого-либо неприятного замечания Гитлера было достаточно для того, чтобы «совершенно его расстроить и вызвать у него тяжелые желудочные спазмы», добавляет Керстен: «...Никто, кто не был очевидцем, не поверил бы, что человек, облеченный таким могуществом, как Гиммлер, приходит в состояние такого страха при вызове от Гитлера... Заслуживавшие доверия наблюдатели уверяли меня, что одно слово или жест Гитлера могли привести его в панику и довести до такого состояния, что он уже не осмеливался сделать какое-либо замечание... Во всем, что он делал, было что-то судорожное. Его собственный характер был слаб, а он проповедовал силу... Его тяжелые желудочные спазмы были скорее всего выражением этого психического разлада, довлевшего над всей его жизнью».

Таков был главнокомандующий эсэсовцами: не Торквемада, не Аттила, не человеконенавистнически настроенный мыслитель из школы Шопенгауэра и Ницше, а проходимец с душой мелкого лавочника, трус и неврастеник, терзаемый комплексом неполноценности, посредственность с жандармскими способностями. В нашу эпоху глобальных политических катаклизмов появление на поверхности выскочек этого типа вполне закономерно и даже неизбежно. Тина выходит с левой. Вы смотрите на его лицо и видите: это не демон, а ничтожество. И в то же время...

В мае 1941 года врач-эсэовец Раушер обращается за разрешением произвестить над людьми в концлагере Дахау эксперименты следующего рода: держать их нагими в течение 9—14

часов при температуре от 27 до 30 градусов ниже нуля и затем проверить, можно ли оживить их отогреванием. Гиммлер дает разрешение. Около 300 человек умирает, некоторые сходят с ума. 24 октября 1942 года Гиммлер пишет Раушеру, которому еще раньше послал цветы и любезные поздравления в связи с рождением его ребенка: «Ваш отчет об опытах замораживания людей я прочел с большим интересом... Тех, кто все еще против этих опытов над людьми... я считаю государственными изменниками... Лично я предпочитаю, что эти опыты приведут к длительным и продолжительным результатам». И Гиммлер дает Раушеру совет: проверить, можно ли отогреть замороженного мужчину, кладя его тело между двумя живыми обнаженными женщинами.

Это не обыкновенный садизм и не безумие, а нечто другое.

Мы не вправе забывать о таких вещах. Нельзя отворачиваться от подобных фактов, потому что мысль о них внушает непреодолимое отвращение. Все это было и должно было еще происходить в несравненно более широких масштабах. Гиммлер не только отдавал общие приказы об истреблении заключенных, он лично учил эсэсовцев тому, как бить людей, ломать им кости, доводить до сумасшествия; учил этому, как на уроках в школе. Эсэсовского профессора Хипке из того же лагеря Дахау он запрашивает, на какой высоте подопытный человек умирает от недостатка кислорода, эсэсовского профессора Клауберга из лагеря Освенцим — о том, сколько времени требуется для стерилизации тысячи женщин.

Начальнику концлагеря Гузен он дает приказ замуровать всех заключенных в штольню и затем взорвать ее. Он лично отбирает эсэсовских убийц для истребления людей в варшавском гетто, лично следит за тем, чтобы «оперативные группы» эсэсовцев действовали как передвижные бойни, разрешает опыты с накачиванием человеческих легких воздухом, пока они не разорвутся. В Освенциме с его ведома ежедневно уничтожается 10 тысяч человек. Однажды он заявляет: «Упадут ли 10 тысяч русских женщин от изнеможения при постройке танкового рва — это интересует меня лишь постольку, поскольку ров для Германии будет готов».

Ни мещанская психика, ни комплекс неполноценности, ни личная трусость не мешали Гиммлеру делать все это. Напротив, вполне возможно, что моральное ничтожество главы СС поощряло его к таким делам: он находил в них своего рода компенсацию за ничтожество. Но безумие тут ни при чем. Психиатрия важные политические и социальные явления не объясняет.

Гиммлер не был сумасшедшим. Он прекрасно знал, что делал, и делал это не потому, что был подвержен припадкам бешенства и страдал от желудочных спазмов, а потому, что был фашистом и выполнял определенные фашистские планы. Лагеря смерти были для него логическим продолжением нацистской внутренней и внешней политики. Этот головорез в квадрате, выглядевший как мелкий канцелярский чиновник, считал, как и Гитлер, что, залив кровью Европу, терроризируя человечество, он навсегда покочнит с демократией и социализмом. Подобная «психопатия» неотделима от политики. Вот почему представить себе Гиммлера, терзаемого муками совести, совершенно невозможно. Это не тип из романов Достоевского. Политическая дегенерация неминуемо приводит к моральному разложению. Правда, сплошь и рядом бывает и наоборот: моральное гниение вызывает политическое.

Но если считать Гиммлера ненормальным не приходится, то зато можно говорить о другом: о противоречии между его калибром как личности и его ролью в событиях нашей эпохи. Этого противоречия действительно нельзя не заметить. Ничтожный, маленький человек, предполагавший посвятить свою жизнь разведению кур, — и в то же время палач, ломавший жизнь и терзавший тела миллионов людей. Подобные противоречия нередко замечались в истории, но редко когда-либо проявлялись так отчетливо и резко, как на примере Гиммлера. Секрет в том, что маленькие люди часто становятся инструментами мощных политических сил. Гиммлера же родила одна из самых разрушительных сил недавнего прошлого — германская реакция.

В буржуазных кругах Запада нацизм с его эсэсовцами и лагерями смерти часто до сей поры считают чем-то вроде трагического инцидента в истории. В действительности речь идет о закономерностях империалистического развития. В Германии было доказано, что общий кризис капитализма может в определенный момент довести эту систему до бешенства. Создавая новое фашистское государство, государственно-монополистический капитализм разбивает вдрызг свою старую демократическую надстройку, принимает террористическую форму, пытается физически целиком уничтожить левые силы общества и бросается на народы других стран, стремясь перевести их на положение рабов. Предпринимается попытка построить нечто вроде смешанной государственно-монополистической и рабовладельческой империи. Орудием такой империи, помимо армии, и становится сверхполиция — результат слияния

старой полицейской организации буржуазии с фашистской гвардией.

Возникает террористический аппарат, превосходящий по своей жестокости все известное в истории, изобретающий механизированную технику массовых убийств, осуществляющий геноцид, не признающий никаких человеческих законов. Концепция политической полиции доводится до абсолюта; не государство управляет полицией, а политическая полиция, поглощающая фашистский аппарат, управляет государством. Во главе же такой сверхполиции становятся предельно грязные и бесчестные, но отнюдь не сумасшедшие люди, готовые на развязывание мировых войн и уничтожение целых стран.

Фанатичным носителем идеи сверхполиции был Гиммлер. Конечно, без Гитлера, основателя германского фашизма, Гиммлера не было бы. Факт, однако, таков, что к концу фашистского правления тень Гиммлера висела и над самим фюрером. Глядя вперед, надо допустить и другое. Пока существует фашизм, пусть и в современной форме неофашизма, гиммлеровская концепция террористической полиции будет жить в умах фашистских вожаков.

История, однако, доказала еще один факт, по существу самый важный. Какие огромные силы ни сосредоточила в своих руках за 20 лет своего существования эсэсовская полиция, каким несокрушимым гигантом она себе ни казалась, в час возмездия она лопнула, как мыльный пузырь. СС оказался еще более бессильным, чем вермахт.

Несмотря на то, что их было около миллиона, эсэсовцы не сумели ни удержать хотя бы одну какую-нибудь часть тыла фашистского рейха, ни даже организовать подпольное сопротивление державам антифашистской коалиции. Подготовленный в штабе Гиммлера план создания большой подрывной организации «Вервольф» не был приведен в исполнение; оказалось, что «неодолимые рыцари» СС разбежались во все стороны, как зайцы. Никто из них не сумел постоять за фашизм; у всех дрожали руки и тряслись головы. Личный представитель Гиммлера в штабе Гитлера Фегелейн бежал оттуда еще при жизни фюрера. Сам Гиммлер сбежал, как только смог.

Лишь те эсэсовцы, которым удалось скрыться за границу и воспользоваться упрятыми там ими богатствами, — террористы типа Скорцени, — попытались после войны заняться новыми заговорами. Но успеха не добились и они. Настоящего полицейского рынка для них уже не было, породивший их обезумевший государственно-монополистический капитализм был разбит.

В ноябре 1945 года перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге предстал второй после Гиммлера человек в СС, начальник управления имперской безопасности Кальтенбруннер — один из самых зверских палачей гиммлеровской школы. На допросе он отрицал все, извиваясь, как змея. В своем последнем слове он сказал: «Сегодня после разгрома рейха я вижу, что меня обманывали. Если я совершал незаконные действия, то это следует объяснить неправильным пониманием чувства долга... Мною руководила судьба. Гиммлер и другие должны были судить о том, правильно ли они использовали меня, и о том, что я сделал... Я прошу не связывать СС с тем проклятием, которое по справедливости падает на голову Гиммлера. Я полагаю, что действовал в соответствии с законом».

Это говорил человек, по указаниям которого людей десятками тысяч убивали день за днем. Трудно было сказать, чего в его словах было больше, трусости или подлости. Трясая от страха, он проклинал Гиммлера и молил о сострадании. Такова оборотная сторона сверхполицейских.

Долголетний американский корреспондент в Берлине Ширер, лично знавший нацистских лидеров и присутствовавший на суде в Нюрнберге, писал впоследствии о тех, кто сидел на скамье подсудимых: «Одетые в довольно потрепанную одежду, сторбившись на своих стульях, нервно подергиваясь, они уже не походили на былых надменных вождей. Казалось, что перед вами неприглядная кучка посредственностей. Было трудно поверить, что эти люди, когда вы видели их в последний раз, обладали такой невероятной властью, что такие, как они, могли захватить господство над великой страной и завоевать большую часть Европы».

Но верить приходилось. Это были те же люди, та же «кучка посредственностей», которая сумела довести мир до края бездны.

Надо запомнить, что так может быть. Надо понять, что Гиммлер и гиммлеры — не случайные фигуры, а характерное порождение современной переходной эпохи, эпохи обостренной международной классовой борьбы. Генриха Гиммлера нет, но кандидаты в новые гиммлеры есть. Фашисты и сегодня беснуются в Чили, в Парагвае, совсем недавно бесновались в Никарагуа, угрожают перейти к контратакам в Испании, Португалии, Италии, Западной Германии. Можно сказать, что антилюди такого типа есть сейчас во всех главных странах капиталистического мира. Эсэсовцами они себя пока не называют, но эсэсовским языком уже говорят, и говорят во весь голос, нисколько не стесняясь.

Так, например, главарь террористической неонацистской банды «Национал-социалистский фронт действий» в ФРГ Кюнелен открыто заявляет: «У нас есть списки со многими именами... наготове для дня Икс». Вожак другой такой же банды в Нюрнберге, Гофман, публично объясняет, с какой целью его организация проводит военные учения: с целью «подготовки ко дню Икс, когда полиция больше не сможет справиться одна с левыми». Наследник Муссолини в Италии, главарь насчитывающей 300 тысяч членов неонацистской партии ИСД Альмиранте ехидничает: «Мы не тот фашизм, который жестикулирует, а тот, который смеется, смеется над глупостью своих врагов».

За океаном своим союзникам в Западной Европе слово в слово вторит фюрер американской национал-социалистской партии Кейл: «Когда разразится катастрофа, настанет наш звездный час. Правящая элита не сможет больше контролировать обезумевшее от паники простонародье. И тогда мы предложим наши идеи и наше руководство... Врагам не будет пощады».

Новые гиммлеры теперь просто ждут своего часа. Они учитывают, что при дальнейшем обострении кризиса современного капитализма и нарастании международной классовой борьбы спрос на них на политическом рынке Запада может повыситься вновь. Едва ли подлежит сомнению, что на этот случай у них уже заготовлены планы такого чудовищного глобального террора против свободного человечества, какой не успел осуществить сам Генрих Гиммлер.

Несомненно, что направленный против разрядки нынешний курс боннской реакции и политика правого генералитета ФРГ, мечтающего о возрождении за Эльбой германского милитаризма, создают почву для роста неонацизма — такую, какой в Запад-

ной Германии еще не было за все 35 лет после войны.

В начале 30-х годов гитлеровцев держали в резерве генералы вокруг Гинденбурга, военные монополии Тиссена и Круппа, правый газетный король Гугенберг, антисоветский ультра фон Папен. Современные неонацисты, ожидая взрыва в международных отношениях, возлагают свои сокровенные надежды на взмывшую в 70-х годах вверх авиаракетную монополию Мессершмиттов, танковую монополию Фликов, на лидера реваншистов Штрауса, газетного короля Шпрингера, тех же генералов бундесвера и другие такие силы, воспрянувшие духом в последние годы и особенно в последние месяцы. Все фашисты за океаном точно так же в восторге от политики Картера и в свою очередь ждут подачек из глубин военно-промышленного комплекса. Антисоветизм вновь почти автоматически порождает фашизм.

Гиммлеры не ушли с исторической сцены. Буржуазное общество не способно противостоять росту нового фашизма. Некоторые из его руководителей в разных странах даже рассматривают неонацизм как свой резерв в борьбе против мировых левых сил. Жизнь доказывает, что справиться с антилюдьми могут только эти силы: при условии, что будут действовать сомкнутыми рядами.

После войны под их прямым напором рухнули фашистские режимы в Италии, Португалии и Греции — к удивлению многих, рухнули, не оказав особого сопротивления. В ряде случаев фашисты не решились даже выйти на улицы. Во всех трех странах фашисты, столкнувшись с решительно действующим авангардом народа, по существу бежали со сцены. Подтвердилось, что ни о какой «непобедимости» фашизма не может быть и речи. Гиммлеры страшны только тогда, когда перед ними отступают. Об этом надо помнить.

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛТИЙСКИЕ ЗОРИ

(К 40-летию вхождения республик Прибалтики в состав СССР)

Стихи Эдуардаса Межелайтиса, Иманта Зиедониса, Арви Сийга в переводах П. Карпа, Ильи Фоякова и Владислава Шошина	3
Анатолий РОМОВ. Приз. <i>Повесть</i>	7
Всеволод АЗАРОВ. Янтарное солнце. <i>Стихи</i>	73
Геннадий МОРОЗОВ. Наливается колос. На восходе. Заветное. Окончилось лето. Молодой садовник. Отражения. <i>Стихи</i> .	75
Николай БОЙКО. Два рассказа	77
Вячеслав КУЗНЕЦОВ. Первый шаг. Поляна. Русский язык. Над берестяной грамоткой. Я-то помню... Ливень в степи. Татарник. А много ль надобно отваги... <i>Стихи</i>	95
Анатолий ПЕТРОВ. Хлебороб. Маме. Представь, однажды по весне... Руки. Назидание. <i>Стихи</i>	97

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Ярослав ИВАШКЕВИЧ. Билек. <i>Перевод с польского Святослава Свяцкого</i>	99
--	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Эрнст ГЕНРИ. Портрет сверхполицейского (<i>Фашизм в действии</i>)	112
---	-----

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ПОСТ „ЗВЕЗДЫ“

Ленинград—Саяно-Шушенская ГЭС

Н. НЕУЙМИНА. Саянский диалог	124
Елена МЕШКОВА. Товарищи мои... (<i>Записки командира стрелковой роты</i>)	133

ВОСПОМИНАНИЯ

Анатолий ВОЛКОВ. Виссарион Саянов	153
---	-----

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

М. ПАНИЧ. Я только записываю... (<i>Заметки, размышления</i>) .	162
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ. Ложная этическая оценка у Н. С. Лескова 176

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК

- А. ПАВЛОВСКИЙ. «Все удивительней простор...» 180

КРИТИКА

- Арк. ЭЛЬЯШЕВИЧ. Огненные дали (*Книги 70-х о Великой Отечественной войне. Статья вторая*) 184
Ивайло ИВАНОВ. О самом человечном человеке (*Болгарская поэтическая Лениниана 70-х годов*) 198

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Дм. МОЛДАВСКИЙ. Поиск навечно (Евг. Евтушенко. Талант есть чудо неслучайное. Книга статей) 202
Н. НАУМОВА. Мирные люди (Арк. Минчковский. Станция назначения) 204
Гали ЕРМАКОВА. Движение времени (Александр Бартэн. На сибирских ветрах. Из хроники города Новинска) . . . 206
Тамара ХМЕЛЬНИЦКАЯ. Естественность добра (Э. Аленик. Напоминание) 208
В. МАРКОВИЧ. Предмет потребления или стимул? (Ю. Манн. Поэтика Гоголя. Ю. Манн. Смелость изобретения) . . . 211

СРЕДИ КНИГ

- Е. Щеглова — И. Велембовская. Мариша Огонькова.
□ В. Брагина — Юрий Герт. Листья и камни. □ Я. Билинкис — М. Басина. Сквозь сумрак белых ночей. *Документальная повесть*. □ К. Ласта — Валентина Левидова. У нас в Ленинграде. *Повести и рассказы*. □ Д. Чернис — Л. Лавлинский. Поэт и критик. □ В. Капустин — Г. Г. Игнатенко. Киндрат Рилеев. *Биографічна повість*. □ Сергей Махотин — М. А. Шитов. Северный кабельный. 215

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию им. Володарского: Ленинград, Фонтанка, 57.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются местные и областные отделения «Союзпечати».

Главный редактор Г. К. Х О Л О П О В

Редакционная коллегия:

А. А. ГОРЕЛОВ, П. В. ЖУР (первый зам. главного редактора), А. Г. КАЛЕНТЬЕВА, Е. Н. КУЗНЕЦОВ, Г. А. НЕКРАСОВ, Н. К. НЕУЙМИНА, Г. Ф. НИКОЛАЕВ (зам. главного редактора), Н. Н. СКАТОВ, Э. С. СТАВСКИЙ, А. А. ФУРСЕНКО, А. П. ЭЛЬЯШЕВИЧ

Ответственный секретарь И. М. ЕРШОВА

Корректоры О. А. Назарова, Е. Д. Тонконогова

Технический редактор В. Т. Молоткова

Адрес редакции: 192028, Ленинград, Моховая, 20

Телефоны: главный редактор — 272-89-48, заместитель главного редактора и ответственный секретарь — 273-76-92, зав. редакцией — 273-37-24, заместитель главного редактора и отдел публицистики — 273-52-56, отдел прозы — 272-18-15, отдел критики и отдел поэзии — 273-74-91

Издательство «Художественная литература»

М-12827 Подписано к печати 23.05.80. Тираж 116 000 экз. Формат 70×108¹/₁₆. 19,6 усл. печ. л. 22924 уч.-изд. л. Заказ № 519. Орлена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

